

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СМЕРТЬ ДАНТОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

Печатано
в издательстве „Русское Творчество“

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

СМЕРТЬ ДАНТОНА

ТРАГЕДИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

1 9 2 3

История этой пьесы такова: В декабре 1917 года дирекция театра Корш предложила мне приспособить для постановки огромную, в 36 картин, романтическую трагедию Бюхнера «С м е р т ь Д а н т о н а». В начале я хотел скомпановать из имеющегося материала пьесу возможную для постановки и лишь осветить ее современностью. Задача эта оказалась неблагоприятной: Бюхнер не давал достаточного материала. Уже с третьей картины мне пришлось оставить Бюхнера и обратиться к историческим материалам, своим наблюдениям и переживаниям нашей революции. В январе 1923 года я вторично переработал пьесу, устранив, насколько возможно, заимствованное у Бюхнера, и в этом окончательном виде предлагаю ее читателям.

А л е к с е й Т о л с т о й.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Дантон. Вождь монтаньяров, министр юстиции, член Комитета Общественного Спасения, вдохновитель обороны Франции, организатор террора. Сентябрьская резня, происшедшая при его участии, была постоянной кровоточивой раной республики, началом режима казней. Великие деятели революции, великие идеи захлебнулись в этой крови. Действие трагедии застает Дантона отошедшим от дела.

Он недавно женился на шестнадцатилетней Луизе Жели, обвенчавшись с нею у не присягнувшего священника, подлежащего по изданному им же декрету смертной казни. Он живет с молодой женой в Севре.

Робеспьер. Член Комитета Общественного Спасения, вождь якобинцев. Пламенно-ледяной, теоретически-мыслящий человек с непреклонной волей и незапятнанной нравственностью, умен, расчетлив и беспощаден. Франция обязана ему обузданием анархии. Его идеи справедливости, сурового счастья и добродетели лежали почти на метафизических высотах революции.

Камилл Демуллен. Член Конвента, пылкий патриот, журналист, мечтатель.

С е н Ж ю с т. Ученик Робеспьера, философски настроенный, мечтательный юноша. Красив, женоподобен и жесток. Комиссар армии и Член Комитета Общественного Спасения.

К о л л о Д е р б у а. Член Комитета Общественного Спасения. Бывший актер. Жесток, развращен.

Ф у к ь э Т е н н в и л ь. Публичный обвинитель, назначенный на это место настоянием Камилла Демулена. Стар, умен, циничен, безобразен.

Г е р м а н. Председатель Революционного Трибунала, основанного Дантоном во время его борьбы с жирондистами.

Г е р о д е С е ш е л ь } Члены Конвента,
Ф и л и п п о } друзья Дантона.
Л а к р у а }

Л е ж а н д р. Якобинец.

С и м о н. Ремесленник. Пожилой человек. В вязаном колпаке, в широких рваных штанах. Лицо — багровое от чрезмерного употребления красного вина. Патриот.

Л у и з а. Жена Дантона.

Л ю с и. Жена Камилла Демулена.

А н н а. Жена Симона.

М а р и. Бывшая аристократка, содержательница тайного игорного салона.

Р о з а л и я. Кружевница.

Ж а н н а. Модистка.

Ж е н щ и н а в ч е р н о й ш а л и.

Х р о м а я д е в у ш к а.

Т о л с т а я, н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а.

Н и н о н.

Т о р г о в к а.

В я з а л ь щ и ц а Р о б е с п ь е р а.

Лионец.

Гражданин в красном колпаке.

Гражданин в черной шапочке.

Гражданин с книжкой.

Гражданин в нитяном парике.

Сторож в трибунале.

Сторож в тюрьме.

Молодой человек с острым носиком.

Граждане, солдаты, палачи и др.

Действие происходит в Париже, летом 1794
года.

КАРТИНА I.

Комната Мари. Огромные, парчевые, рваные портьеры. Кусок облупленной стены. Золотая мебель. Зажженные свечи в канделябрах. За карточным столом — Геро до Сешель, Мари, Камилл Демулен. В стороне Луиза и Люси. В окне, невидимый за портьерой, стоит Дантон.

Луиза. Я боюсь Парижа. Здесь так тесно, так шумно. У меня болит сердце, когда мы сюда приезжаем.

Люси. В Севре хорошо?

Луиза. Да, у нас хорошо. У нас маленький сад и маленький огород. Муж подарил мне четыре курочки и петушка. Я не покупаю ни салата, ни редиски, ни бобов, у нас все свое. Мы часто гуляем в парке. (Оглянувшись, шопотом.) У нас говорят, — многие ночью в парке слышали конский топот и звук рогов, — видели призрак короля.

Люси. Тише.

Геро. (Хлопает картами.) Мой язык до такой степени истрепан, что не состоянии произносить любовных слов. Я хочу сказать «люблю», а он говорит «смерть». Проклятый язык, — вчера встретил премиальную девочку и, хоть тресни, упрямо ее звал «вдовой».

Мари. Так что-же девочка?

Г е р о. А ей было все равно.

К а м и л л. Кто назвал гильотину вдовой?

Г е р о. Уличные мальчишки.

К а м и л л. Люси, ты почему притихла, тебе скучно?

Л ю с и. Нет, мой милый.

Г е р о. Вот одно из завоеваний революции. Мы разучились скучать . . . Да, у нас не скучают в Париже.

М а р и. Бью вашего короля.

К а м и л л. Люси, спой еще раз.

Л ю с и. Ты будешь слушать?

К а м и л л. Я готов слушать тебя днем, ночью, всегда, моя маленькая сирена. (Встает и приносит ей арфу.) Когда ты поешь, я начинаю верить, что скоро, скоро запоет вся земля, все освобожденное, ликующее человечество. Я верю.

Л ю с и. Хорошо. (Настраивает арфу.)

Г е р о. Камилл все еще говорит о музыке и о человечестве, потому что он журналист. Я презираю людей. Человечество — стадо. Оно умеет только выть и рычать, когда его погладишь против шерсти. Мари, хотите поставить на карту сегодняшнюю ночь?

М а р и. (Смеется.) Ставлю мою ночь на даму пик.

К а м и л л. (Геро.) А чем же ты отвечаешь?

Г е р о. Чем она хочет. Ста тысячью франками или моей головой, плевать. Мари, ваша дама бита.

М а р и. Не разорюсь от проигрыша.

(Люси начинает петь. Все слушают. Камилл стоит, положив руку на камин, запустив пальцы в волосы. Входит Филиппо).

Ф и л и п п о. Добрый вечер.

Г е р о. А, Филиппо! Садись, у тебя есть деньги?

Ф и л и п п о. (Оглядывает комнату.) Вы здесь поете, веселитесь.

К а м и л л. Что случилось? Дурные вести из за границы?

Ф и л и п п о. Нет, нет, все благополучно.

Г е р о. Очевидно, опять нос к носу столкнулся с Робеспьером и сразу почувствовал несварение желудка.

Ф и л и п п о. Сегодня опять упало 20 голов.

Г е р о. Дождик помешал тебе смотреть, как они падали?

Ф и л и п п о. Нет, довольно, вы понимаете — довольно!

Л ю с и. Кого казнили сегодня?

К а м и л л. Гебертистов.

Ф и л и п п о. Их послали на гильотину только потому, что они были атеистами.

Г е р о. Ого!

Ф и л и п п о. Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон становятся слишком щепетильными.

Г е р о. Они просто чистят кухню. За революцию накопилось слишком много мусора. Робеспьер с кухонным ножом, Сен-Жюст со щеткой, Кутон с ведром кипятка. Франция заблестит, как медная кастрюля.

К а м и л л. Да, да, или как топор, гильотины.

Ф и л и п п о. Сегодня я понял, что опасность грозит нам. Она гораздо ближе, чем мы думаем.

К а м и л л. (Ударяет кулаком по каминной полке.) Но доколе же барахтаться в крови? Робеспьер играет в кегли отрублен-

ными головами. Нужно осуществить республику. Как воздух необходим закон о всеобщем помиловании. Права человека заперты под ключом у Робеспьера.

Геро. Э, старина, каждый должен жить так, как он хочет, — это прежде всего. Будь сейчас сила на моей стороне, я бы прежде всего устроил себе бильбоке из головы Робеспьера.

Камилл. Я протестую. Я требую красоты прежде всего. Государственное устройство должно быть удобной и прекрасной одеждой. Ничто не должно стеснять свободы движений. Каждое желание, движение мускулов, трепет жизни должны немедленно и свободно осуществляться. А на нас напяливают закорузлую от крови, сумасшедшую рубашку. Я протестую! Я хочу роз на наших кудрях, пенящихся бокалов, олимпийских игр, вакхической радости. Франция прекрасна. Я хочу видеть ее сияющей как античное божество (поворачивается к окну). Дантон, ты должен поднять бурю в конвенте.

Филиппо. Он здесь?

Геро. Дантон, попробуй еще раз взгромоздить на себя Францию, отнеси ее куда-нибудь подальше от мусорной ямы.

Камилл. Ты должен снова начать борьбу. Народ на твоей стороне. Если будешь медлить, мы погибли.

Дантон. (Выходит из глубины окна.) Что я должен? Дантон, ты должен. Дантон, иди рычать в конвент. Дантон, подпирай плечом телегу Франции. Что я еще должен делать? Рычать как десять тысяч львов?

Ах, напиши я еще тысячу декретов, отруби еще сто тысяч голов, — солнце, когда ему нужно, взойдет на востоке и закатится на западе. (Садится около Луизы.) У тебя дрожат губки. Да, да, дитя мое. Хоть я и подарил тебе четырех цыплят и петуха, все-же я, — Дантон, пожиратель человеческого мяса, чудовище, которым пугают детей. И вот они зовут меня: Дантон, ты слишком замечтался на груди маленькой женщины — иди и потрясай Францию. (Встает.) Все это только слова, — все о чем мы тут болтаем, таращим глаза и размахиваем руками, — у революции свои законы. Когда нужно, она выбрасывает нас на гребень волны, а потом снова — вниз головой в омут. (Наклоняется и целует ее.) Вот в этих глазах закон иной.

Луиза. Уедем.

Дантон. (Рассеянно.) Да, да, мы поедем домой.

Камилл. Остановиться на пол пути — малодушие. Не нужно было начинать борьбу.

Дантон. Бороться? Я устал. Я дал слово этому ребенку стать добрым буржуа. Я устал, вы понимаете это слово? В этом мое преступление. Робеспьер еще борется, еще барахтается в грязи и крови, потому что верит в силу идей и слов. А впрочем, и он не верит. Врет.

Филippo. (Подходит близко к Дантону, говорит так, чтобы другие не слышали.) Я пришел тебя предупредить, тебя ищут. Я видел трех сыщиков, — один стоит на углу, другой перед окнами, третий висит на решетке. Тебе нужно бежать.

Д а н т о н. (Громко.) Мне нужно бежать? Куда? За границу? Что же ты думаешь, я могу унести родину на подошвах башмаков?

Л у и з а. Вот так всегда он отвечает, когда друзья его предупреждают об опасности. Не нужно было приезжать в Париж. (Закрывает лицо платком.)

Л ю с и. Разве опасность так велика?

Ф и л и п п о. Да, велика.

Г е р о. У меня третий день болит шея от этих разговоров.

К а м и л л. В Шарантоне на обеде у Паниса мы устроили встречу его с Робеспьером. Хотели их помирить.

Д а н т о н. (Хохочет.) Я дал ему понюхать вот эту ладонь: что, Робеспьер, пахнет? Чем пахнет? Кровью? А ведь я только что надушил ее духами Луизы (хохочет). У него еще длиннее вытянулся нос. Он понюхал, ха-ха, понюхал!

К а м и л л. Робеспьер сказал: «Хорошими гражданами не могут считаться те, кто пытается разоружить республику в разгар борьбы, и те, кто хочет быть снисходительным и милосердным, когда только железная диктатура может спасти Францию».

Л ю с и. Это правда, Дантон?

Д а н т о н. Они не посмеют тронуть меня. Мой час еще не настал. О, черт, у меня болит голова, мне надоела политика, неужели нет места на земле, где можно было бы забыть на минуту самого себя.

(За окнами слышен нарастающий шум голосов, крики.)

Луиза. (Вскакивает.) Боже мой!
(Все прислушиваются. Филиппо подходит и тушит канделябр. Остается одна свеча.)

Дантон. Что это? Вы слышите?

Камилл. Уличная драка.

Луиза. Не уходи.

Дантон. Камилл, ты помнишь эти крики?

Эти страшные крики, эти звериные вопли, эту кровь, факелы, пронзительные вопли с той стороны Сены? Ты их забыл? забыл!

(Быстро идет к двери, за ним Филиппо.)

Луиза. Ты уходишь?

Дантон. Будь здесь, жди, я вернусь.

З а н а в е с .

КАРТИНА II.

Перекресток двух парижских узеньких улиц. Мрачные дома, выступающие вперед этажами. Дверь грязного кабачка. На углу, на железном кронштейне — фонарь. В дверях кабачка возня, крики.

С и м о н. Ведьма, ведьма проклятая, ведьма! Ж е н а С и м о н а. Помогите, помогите!

С и м о н. Нет, я тебя живой не выпущу. Вот тебе, вот тебе!

(Жена Симона в растерзанном платье выскакивает на улицу. Из-за углов, из дверей высовываются граждане.)

Г о л о с а. Симон! Симон! Опять этот Симон! Разнимите их!

Ж е н а С и м о н а. Граждане, меня убили!

С и м о н. Я должен ей расколотить башку, она ведьма!

Ж е н а С и м о н а. Ты у меня заплатишь за эти слова, старый пьяница!

С и м о н. Вы видели, слышали? (Кидается на жену. Граждане оттаскивают его. Гул голосов.)

С и м о н. Граждане, где моя дочь? Пусть она скажет, ведьма, где моя девочка. Нет, она уже теперь не девочка. Ты слышишь, окаянная ведьма. Ни девочка, ни дама и ни женщина. Уличная потаскушка моя дочь!

Гражданин в красном колпаке.
Помолчи, помолчи, Симон.

Симон. Замолчи, старый Виргилий, прикрой лысую голову (с воплем валится на мостовую).

Жена Симона. Симон, Симон, что с тобой? Он, граждане, очень хороший человек, покуда не напьется.

Гражданин в черной шапочке.
Надо отнести его в дом.

Гражданин в красном колпаке.
Что у вас произошло, я спрашиваю?

Жена Симона. Моя дочь, видите ли, добрая девочка. Ей жалко видеть, что у ее родителей часто не бывает ни хлеба, ни вина. Она, видите ли, пошла на улицу.

Симон. Ага, ты призналась!

Жена Симона. Ах ты, пивная бочка, Иуда, паршивый верблюд! Да ведь если бы моя дочь, — ангел кротости и невинности, — я в этом клянусь, граждане, — не приводила с улицы гостей, что бы ты пил, что бы ты жрал, старый, грязный вонючка? Нет, подумайте, дочь идет на него работает, а он...

Симон. Дайте мне нож, римляне!

Гражданин в красном колпаке.
Нож нужен не для твоей несчастной жены, Симон, а для тех нужен острый нож, кто развратничает с твоей дочерью, покупает ее тело.

Голоса. Верно, верно, верно!

Гражданин в красном колпаке.
Горе бездельникам, горе развратникам, горе богачам! Мы голодны, у нас нет хле-

ба, нет мяса, нет вина. Когда мы протягиваем руки, стоная от голода и жажды, — эти бездельники, эти развратники, эти нажившиеся на революции богачи, эти негодяи говорят: «Продайте нам ваших дочерей». Вот для кого нужен нож.

Г о л о с а. Хорошо сказал! Правильно! Резать, резать!

Г р а ж д а н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е.

Нам говорили: «дворяне пьют народную кровь», — мы повесили аристократов. Нам говорили: «жирондисты заставляют народ голодать», — мы отрубили головы жирондистам. Но мы голодаем не меньше, у нас нет дров, нет хлеба, нет соли. Кто, кто пользуется нашими титаническими трудами, нашими нечеловеческими муками? Кто? Долой тех, кто наживается на революции! Долой богачей! Смерть всем, кто одет не в лохмотья!

Г о л о с а. Смерть, смерть всем, кто одет не в лохмотья!

Г р а ж д а н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е.

Смерть всем, кто выше нас!

Г р а ж д а н и н в к р а с н о м к о л п а к е.

Смерть всем, кто умеет читать и писать!

Г о л о с а. Смерть, смерть всем, кто умеет читать и писать!

(Выкатывается из за угла толпа, тащит к фонарю молодого человека.)

Г о л о с а. У него носовой платок! Смотрите, носовой платок! Он сморкается в носовой платок! Аристократ, кровопийца!

На фонарь, на фонарь, на фонарь!

М о л о д о й ч е л о в е к. Господа!

Гражданин в красном колпаке.
Здесь нет никаких господ. Здесь санкюлоты. На фонарь его!

(Толпа спускает фонарь, поет Карманьоолу и пляшет.)

День придет, придет, придет
Все запляшем Карманьоолу.
День придет, придет, придет, —
Кто не с нами
Пусть умрет.
Зажплешем Карманьоолу
Мы все в ряд,
Мы все в ряд.
Зажплешем Карманьоолу, —
Пусть пушки гремят.
Все вперед, вперед, вперед,
На фонарь всех, кто не с нами!
Все вперед, вперед, вперед!
Кто не с нами — пусть умрет.

Молодой человек. Пощадите!

Гражданин в красном колпаке.
Напрасно умоляете нас о милосердии, гражданин, — мы милосердны. Вы убиваете нас медленно — голодом. Мы убиваем вас в несколько секунд на фонаре. Советую вам быть учтивым, и перед тем, как высунете язык, — поблагодарите граждан за милосердие.

Молодой человек. Чорт с вами! Вешайте меня на фонарь, если вам от этого станет светлее (смех в толпе).

Голоса. Хорошо сказал! Bravo, bravo!
Отпустить его!

Гражданин в красном колпаке.
Граждане, мы не имеем права . . .
(Входит Робеспьер.)

Робеспьер. Что здесь происходит, граждане? . . . Я спрашиваю.

Голоса. Робеспьер! Робеспьер! Робеспьер!

Гражданин в черной шапочке.
Вот что здесь происходит, гражданин Робеспьер: сентябрьская кровь не дала нам счастья, гильотина работает слишком медленно. Мы голодны, дай нам хлеба.

Голоса. Хлеба, хлеба, хлеба!

Гражданин в красном колпаке.
Мы требуем, чтобы ты устроил кровавый потоп.

Голоса. Хлеба, хлеба, хлеба!

(Молодой человек, оставленный толпою, убегает.)

Робеспьер. Именем закона! . . .

Гражданин в красном колпаке.
Какой закон? Брюхо — вот мой закон.

Робеспьер. Закон — священная воля народа.

Гражданин в красном колпаке.
Мы — народ, и мы не хотим никаких законов. Значит это и есть закон, чтобы не было никаких законов. К чорту все законы!

Вязальщица Робеспьера. (Женщина с растрепанными волосами, с диким, красным лицом, — на плечах рваная шаль, в руках вязание — чулок.) Слушайте, слушайте, что вам скажет Робеспьер. Слушайте неподкупного. Слушайте справедливого.

Г о л о с а. Пусть он нам обещает хлеба. Мы хотим жрать. Вина и хлеба.

В я з а л ь щ и ц а Р о б е с п ь е р а. Слушайте, слушайте Мессню, слушайте, слушайте призванного управлять народами. В его руке меч справедливости, в его руке весы правосудия.

Р о б е с п ь е р. Добрые граждане. Вы своими руками вырвали из земли Франции плевел зла. Вы отразили врагов на границах и дали пример величия, равного которому не было даже и в древности. Вчера вы были рабами, сегодня вы — великий народ. Но помните: нужно много усилий и мужества, чтобы сохранить ваши права, права нового человека, — свободу, равенство и братство. Враги не все сломлены. Враги среди вас. Главный враг — анархия и распущенность. Вы кричите: хлеба. Хлеб будет, нужно его добыть. Взгляните на ваши руки, разве они не пахнут хлебом, когда вы их стискиваете в кулаки? Граждане, не уподобляйтесь римской черни времен Императоров. Она умела лишь требовать хлеба и зрелищ, и меч выпал из ее изнеможенной руки, когда над вечным Римом нависли полчища варваров. Нет, я знаю, Франция умеет, когда нужно, стискивать зубы и военным шарфом подтягивать живот. Будет хлеб, справедливость и слава. Народ, твои законодатели бодрствуют, их глаза во тьме различают твоих врагов.

Г о л о с а. Да здравствует Робеспьер!
(Робеспьер уходя сталкивается с Дантоном, который с усмешкой слушал все это время его слова.)

Робеспьер. А, это ты, Дантон?

Дантон. Да, это я, Робеспьер.

Робеспьер. Давно ли в Париже?

Дантон. Сегодня с утра.

Робеспьер. Из Севра?

Дантон. Да, из Севра. Приехал послушать, как ты разговариваешь с народом. Ты сделал большие успехи. Надеюсь, сегодняшняя речь была без подготовки? Или может быть ты написал ее сегодня, перед тем как выйти на улицу?

Робеспьер. Говорят, что ты весело живешь в Севре с женой, говорят, у тебя богатый дом, много друзей собираются каждый вечер, рекою льется вино, играют в карты?

Дантон. Что это, допрос?

Робеспьер. Нет, лишь дружеское предупреждение. (Ушел.)

Дантон. (Громко захохотал.) Римлянин! Неподкупный! Совесть народа!

Симон. (Появляясь в дверях кабачка.) Кто сказал: римлянин? А это ты, Дантон? Добрый вечер, старина, давно тебя не было видно.

Дантон. Как живешь, старое точило?

Симон. Плохо. Пью. Только что избил жену. Клянусь ножиком гильотины, не я ее бил, — колотило ее мое отчаяние. Скучно, Дантон. Я стал много пить, скучно. Даже ты, говорят, становишься милосердным. Берегись. А помнишь, как в сентябре мы чистили республику? Ты был по уши в крови, ты был велик. Веселые были дни. Дантон, я горжусь: — я сам вот

этими корешками зубов сожрал сердце рас-
путницы Ламбаль.

Д а н т о н. Грязное животное! (толкает его
и уходит).

С и м о н. Берегись, Дантон, берегись.

З а н а в е с.

КАРТИНА III.

Внутренность готической церкви. На месте алтаря — трибуна. Под нею — стол, кругом — скамьи амфитеатром. В люстре зажжено несколько свечей. На трибуне Лежандр.

Л и о н е ц. (Кричит с места.) Лионские братья послали меня узнать, почелу вы медлите с казнями? (Гул голосов.) Неужели вы забыли что такое Лион: клоака, гнездо контрреволюции. Нам нужны массовые казни. Мало того, — мы требуем взорвать городские стены, разрушить до основания дворцы и шелковые фабрики. Знайте, если в вас мы не найдем должной жестокости, мы справимся своими средствами.

Г о л о с а. Да здравствуют лионские якобинцы!

Л е ж а н д р. (Лионцу.) Еще раз повторяю: нет нужды обращать взор к Лиону: — здесь в Париже, в очаге революции, спокойно проживают люди, которые находят возможным носить шелковые платья, раз'езжать в каретах, пьянствовать и развратничать и все это делают — вы слышите, — прикрываясь трехцветным знаменем республики... В ложах в театрах они обедают шоколадом и разговаривают на языке аристократов.

Г о л о с а. Позор! Долой! Смерть!

Лежандр. Граждане, контрреволюция поднимает голову... Я спрашиваю о чем думает Комитет Общественного Спасения. Колло Дербуа. (С места.) А я спрашиваю тебя, Лежандр, знаешь ли ты кто подает пример этим франтам открыто распутничать, кто вдохновляет этих грабителей революции? Знаешь имя этого человека? (Напряженное молчание.)

Робеспьер. Прошу слова.

Лежандр. Слово гражданину Робеспьеру.

Робеспьер. (Четко стуча каблуками взбегает на трибуну. Он — небольшого роста, в пудреном парике, в коричневом опрятном сюртуке, в руке рукопись, свернутая трубочкой.) Мы ждали только криков возмущения, чтобы начать действовать, и вот я слышу уже не крики, но набат. Да, наши глаза были открыты, покуда враг вооружался, и мы дали ему возможность занять позицию. Теперь он весь у нас на виду. Каждый удар вонзится ему в сердце.

Лакруа. (Лежандру.) О ком он говорит?

Лежандр. О врагах республики.

Робеспьер. Вчера я говорил вам о том, что внутренние враги республики суть двойки: одни — безбожники и анархисты. Они уже уничтожены. Гебер и гебертисты позорили революцию отвратительными эксцессами. Гебер и гебертисты казнены вчера.

Голоса. Да здравствует революция!

Робеспьер. Но кто они, кто вторые враги, еще не уничтоженные и в ослеплении уже торжествующие? Эти наши вторые враги — чудовища, порожденные револю-

цией. Паразиты. Содержание их жизни — обжорство и сладострастие, их религия — необузданный разврат. Эти люди хотят мира и благополучия, чем бы оно ни было, куплено. О, конечно, они кричат о милосердии, они требуют отмены смертных казней, их боевой лозунг помилование, они хотят смягчить сердце французского народа, обессилить его и снова бросить к ногам короля.

Г о л о с а. О ком он говорит? Он открыл новый заговор.

Р о б е с п ь е р. Я не устану повторять: священная задача французского народа возстановить в мире высшую справедливость, свободу, равенство и братство, — вырвать, как плевелы с корнем, отвратительные пороки, в которые погружено человечество. Вот великая цель Франции. Для этого была совершена революция, для этого был создан республиканский строй. Оружие республики — страх. Мощь республики — добродетель. Но добродетель невозможна без суровости. Беспощадность к проявлениям порока есть высшая добродетель. Террор есть чистота республики. Нас называют кровожадными. За границей чрезвычайно популярен отвратительный рисунок, изображающий меня с чашей, в которую я выжимаю кровь из человеческого сердца. В гнусном лицемерии нас ненавидят за то, что мы не хотим быть порабощены. Каждый раз когда мы террором отвечаем на происки врагов республики, — за границей подымается вопль ужаса и негодования. Террор наша сила, наша чистота, наша

справедливость, наше милосердие. Говорить за уничтожение террора значит говорить о гибели республики и Франции.

Г о л о с а. Да здравствует Робеспьер! Да здравствует Комитет Общественного Спасенья! Да здравствует террор!

Р о б е с п ь е р. И вот эти наши новые враги, обжоры с чувствительными сердцами, кричат: «Долой режим казней, долой террор! Амнистия всем заключенным в тюрьмах, всем спекулирующим на народном бедствии, всем аристократам и роялистам!» Когда мы стоим лицом к лицу перед вооруженной с ног до головы Европой, перед этими бандами австрийского императора и прусского короля, перед этими душителями свободы, — зловонными лилиями Кобленца, когда с Запада над нами нависла Англия, а на востоке поднимается страшный призрак русской императрицы, — в это грозное время у нас хотят вышибить из рук оружие! Мало того, эти обжоры, эти развратники заражают пороками всю нацию, отравляют источники сил. Вот это быть может самое вероломное и страшное покушение на свободу республики, адский план: разложить и обессилить нацию. Мне еще не достаточно известно, быть может этот план зародился бессознательно в мозгу человека... Но дело не в умысле, опасность все равно остается грозной. Порок не только моральное, но и политическое преступление. И тем опаснее порочный человек, чем значительнее были услуги оказанные им когда то республике...

(Пауза. Робеспьер пьет воду.)

Л а к р у а. (Лежандру.) Ты понимаешь теперь?
Это чудовище!

Р о б е с п ь е р. Вы легче поймете меня, если представите себе человека, который еще недавно носил вязаный колпак и рваные сапоги, с'едал свой завтрак на спех за прилавком рядом с солдатом, ремесленником и санкюллотом, — и вот теперь этот человек раз'езжает в стеклянной карете, играет в карты у бывших аристократов, покупает загородные виллы, одевается в шелковый кафтан, устраивает великолепные ужины, где рекою льется вино и остатки хлеба и мяса швыряются собакам. (На амфитеатре рычание.) Да, этот человек живет, как принц крови. Довольно, портрет готов. Я спрашиваю, почему до сих пор не отрублены эти руки, грабящие народную казну? Не брошено в яму с известью это тело, заражающее нас всех миазмами разврата?

Но, будьте покойны, граждане: — никакой пощады к тем, для кого республика только средство для спекуляции, а революция — ремесло. И ты брат из Лиона, вернись к своим и скажи: меч закона не заржавел в руках тех, кому вы его доверили. Мы покажем миру, великий и страшный пример правосудия.

(Бурное рукоплескание на скамьях. Робеспьер спускается с трибуны и уходит деловитой мелкой походкой.)

Л а к р у а. (Лежандру.) Теперь ты понял о ком говорил Робеспьер?

Л е ж а н д р. Да.

Л а к р у а. Вы губите республику, вы губите самих себя! Ты увидишь: — скоро сам Комитет Общественного Спасения сложит головы на Площади Революции! Это безумие бросать народу такую страшную жертву.

Л е ж а н д р. Где сейчас Дантон?

Л а к р у а. В Париже.

Л е ж а н д р. Пойдем, нужно его увидеть во что-бы то ни стало.

З а н а в е с.

КАРТИНА IV.

Внутренний сад Пале Рояля. Под опущенной маркизой кафэ, у столика сидит Геро де Сешель. Проходят мужчины и женщины.

Г е р о. (Проходящей девушке.) Послушай, Нинон, советую тебе разодрать пошире дыру на юбке, тогда по крайней мере будет видно все бедро.

Н и н о н. Ну, не дурак ли ты?

Г е р о. Ого, что это у тебя на шее?

Н и н о н. Гильотина.

Г е р о. Ты стала якобинкой?

Н и н о н. Третьяго дня вся наша секция перешла к якобинцам. Послушай, Геро, говорю тебе, как честная женщина, уходи из Горы, переходи к якобинцам. Жалко если тебе отрубят голову.

Г е р о. Подойди ближе, я тебя поцелую.

Н и н о н. (Вырываясь от него.) Некогда мне с тобой целоваться. (Убегает.)

Г е р о. Юбку то, юбку раздери пошире. (Смеется. Появляется Дантон держа за плечи Розалию и Жанну.)

Д а н т о н. Геро, знаешь, кто эти девчонки? Это дриады из Тюильери. Я бегал за ними, как фавн. Представь, чем они занимались? Розалия кормила воробьев и называла их по именам: Марат, Филемон, Вольтер, Бриссо.

Р о з а л и я. Врешь, я не говорила Бриссо, в июле я сама подавала голос за казнь жирондистов.

Д а н т о н. А Жанна раскачивалась на ветке и во все горло орала фальшивым голосом марсельезу.

Г е р о. Девочки, приветствую вас. Я и мой старый друг Дантон решили сегодня с утра покончить с политикой. К чорту политику! Мы решили, как можно ближе подойти к природе. Мы долго с ним обдумывали, как это сделать. Наконец нас озарила гениальная мысль; — отыскать в Тюильери двух девочек. Они должны быть глупы, легкомысленны и смешливы.

Р о з а л и я. Ну да, это мы самые.

Ж а н н а. Розалия, что они хотят с нами делать?

Р о з а л и я. Я думаю, что они хотят играть с нами в животных.

Д а н т о н. (Смеется.) Мы будем играть в животных! Великолепно! Мы будем играть в животных.

Ж а н н а. Мы уедем за город?

Д а н т о н. О да, мы куда-нибудь уедем. Хотя в животных можно играть не уезжая из города.

Г е р о. (Таинственно.) Мы будем все четверо ходить совершенно голые.

Ж а н н а. (Живо.) Ай, клянусь тебе, Розалия за сто су никогда днем не согласится снять платья.

Г е р о. Этому я никогда не поверю.

Р о з а л и я. (Жанне.) Почему это я не соглашусь снять платья, моя милая? У меня кривые ноги или отвислый живот, или торчат как у тебя лопатки?

Жанна. Пожалуйста не кричи, — мои лопатки знает весь Париж.

Дантон. Жанна, ты отважная женщина.

Жанна. (Розалии.) Чем кричать о моих лопатках, лучше о себе подумай. Еще в прошлом году была хорошенькая девочка, а теперь у нее лицо похоже на фиговый лист.

(Дантон и Геро хохочут.)

Геро. (Розалии.) Прикрой им свою невинность, дитя.

Розалия. Только не фиговым листом.

Дантон. Девочки, ни слова больше, пейте.

Геро. Сейчас мы закажем венки из роз.

Дантон. Нет, венки из апельсиновых цветов. Пусть они будут сделаны из воска.

(Берет руку Жанны и гладит.)

Жанна. Венки из воска бывают только для покойников.

Дантон. Вот именно. Разве мы не мертвецы? Посмотри на этот нежный атлас, на эти синие жилы. Ты никогда не думала, что эти синие жилки — дороги для червей.

Жанна. (Выдергивает руку.) Оставь меня.

Дантон. Мы, здесь сидящие вчетвером, давно мертвецы, Жанна. Разве ты этого не знаешь? Мы только грезим о жизни. Прислушайся к словам, к звуку голоса, взгляни на солнечный свет. Ты слышишь, голос звучит издали? Все сон.

Геро. Поэтому, — да здравствует вино и любовь!

(Входит Лакруа. Садится невдалеке у столика, опирается на трость и озабоченно смотрит на Дантона.)

Дантон. Вино и твоя горячая кожа Жанна, это пленительный обман.

Лакруа. Добрый день, Дантон.

Дантон. А, добрый день, добрый день, Лакруа!

Лакруа. После того, что говорят о тебе в клубах, не стоило бы на глазах у всего Парижа пьянствовать с девченками. Сейчас, вон там у ворот, двое рабочих показывали на тебя пальцами.

Жанна. Нам может быть лучше уйти?

Розалия. Скажите, мы сейчас же уйдем.

Дантон. Сидите и пейте вино. Лакруа ты сел и мрачно завернулся в тучу. Ну, бросай меня с тарпейской скалы. Жанна, хочешь умрем вместе, — ведь и это будет тоже только сон: вино, поцелуи и смерть.

Жанна. Я сейчас заплачу . . .

Лакруа. Будь добр, на минутку. (Дантон встает и подсаживается к нему.) Сообщение крайней важности. Я только что из клуба якобинцев. Лежандр призывал к избиению франтов и богачей. Коло Д'Ербуа требовал назвать имена. Лионцы прочли чудовищную прокламацию, с нее так и валились сгустки крови. Все это дало Робеспьеру прекрасный повод спустить собаку.

Дантон. На кого?

Лакруа. На тебя.

Дантон. Ого, так он все же осмелился?

Лакруа. Они сами в панике, дрожат за собственную шкуру. Им нужно плеснуть в глаза народу такой кровью, чтобы вся Франция затрепетала, иначе Комитет Об-

щественного Спасения попадет на фонарь. Им нужно отрубить очень тяжелую голову.

Дантон. Они не посмеют.

Лакруа. (Всплескивая руками.) Ты спишь, ты болен? Они все посмеют. Их несет поток революции, они уничтожают все, что становится им на пути. Разве ты не понял до сих пор, что только тот овладевает революцией, кто впереди нее, кто предвзряет ее замыслы, ее вожделения. Робеспьер овладел революцией, потому что он впереди нее. Он летит вперед, как голова чудовищного потока. Но ты, Дантон, ты остановился, ты стал среди волн и надеешься, что они разобьются о твое подножие. Тебя сомнут и опрокинут и растопчут без сожаления. Народ выдаст тебя, как отступника. Ты мертвая реликвия.

Дантон. Народ как дитя. Чтобы узнать, что скрыто внутри вещи, он ее разбивает. Чтобы увенчать гения он должен его сначала замучить. Старая истина. Хочешь вина?

Лакруа. Робеспьер построил обвинения на том, что ты, изменив республике и народу, бросился в спекуляцию и в разврат. Во время голода в Париже ты задавал пиры.

Дантон. Во всяком обвинении есть доля истины. Вообще Лакруа ты говоришь сегодня, как Сократ. Ты едва не заставил меня быть серьезным. Жанна, иди сюда, оставь Геро. (Сажает Жанну на колени.) У тебя нет истинной философской мысли, девочка. Тебе нравится красивый профиль, томный взгляд, тонкие руки: от всего этого еще больше, девочка. Чем красивее

тот, кого ты любишь, тем ты больше будешь страдать. Слушай, я научу тебя, как нужно любить. Люби уходящее солнце, оно страшное, огромное, заливает кровью пол неба, и в небе начинаются чудеса заката. Люби солнце в минуту смерти, люби смертельно раненого льва, перед смертью он кричит так, что далеко, далеко страусы прячут голову в песок и у крокодилов начинается нервная зевота.

Г е р о. Bravo, это очень мило сказано.

Д а н т о н. Что? Да, я полагаю, что можно было кой чему научиться за четыре года революции.

(Входит Камилл и Люси. Камилл подходит к Дантону и кладет руку на плечо.)

К а м и л. Я только что говорил с Робеспьером. (Дантон встает и идет вместе с Камиллом к Люси, целует ее руки.)

Д а н т о н. Прекрасная Люси, гордость Парижа, украшение республики.

Л ю с и. Я смертельно волнуюсь Дантон.

К а м и л. Робеспьер мне сказал, что ради сохранения республики он пожертвует всем: Собою, братьями, друзьями.

Л ю с и. Я знаю когда он решится на что-нибудь. Он говорил холодно, сквозь зубы, он был страшно бледен.

К а м и л. Дантон, ты должен к нему пойти.

Д а н т о н. Мне идти к Робеспьеру, зачем?

Л ю с и. Вы должны снять с себя обвинение. Вы не имеете права рисковать собой, вы не имеете права рисковать головой моего мужа.

К а м и л. Люси!

Л ю с и. Я говорю, как женщина, быть может это преступно. Мой муж мне дороже света, дороже республики.

К а м и л. Люси, о чем ты говоришь!

Л ю с и. Дантон, Дантон спасите его! (Бросается перед ним на колени.)

Д а н т о н. Дорогая моя Люси, я сделаю все, только бы ваши глазки не наливались слезами.

Л ю с и. Благодарю, благодарю вас.

К а м и л. Ты значит решил увидеться с ним?

Д а н т о н. Я обещал твоей жене. (Возвращается к столикам. Камил и Люси уходят.)

Л а к р у а. Ты решил пойти к нему?

Д а н т о н. Да.

Л а к р у а. Ты сошел с ума: тебе идти к Робеспьеру, признать свое бессилие, просить милости. Ты сам подписываешь себе смертный приговор.

Д а н т о н. Да, кажется. Я задую этого человека, если он мне слишком станет противен. Где мой стакан?

Р о з а л и я. Что с тобой, у тебя совсем холодные руки?

Ж а н н а. О, я что то начинаю понимать!

Д а н т о н. Ровно за четверть минуты до смерти ты поймешь все. Теперь не стоит трудиться, пей. Чорт возьми, сколько времени мы потеряли на глупые разговоры. Политика никогда ни к чему доброму не приводит. (Смотрит на часы.) Через час я вернусь. Девочки, ждите меня.

Л а к р у а. (Идя за Дантоном.) Могу я проводить тебя?

Д а н т о н. Ты хочешь занести в мемуары день и час, расположение звезд, солнца и луны, — когда свершилось историческое событие: великий Дантон взял обеими руками свою ногу и поднял ее на ступеньку дома, где жил Робеспьер. (Хохочет.)

З а н а в е с.

КАРТИНА V.

Комната Робеспьера. Простая строгая обстановка, очень чисто. Полки с книгами и рукописями. Повсюду портреты и бюсты Робеспьера. Робеспьер у письменного стола. Дантон стоит перед ним, сложив на груди руки.

Р о б е с п ь е р. Враги республики еще не истреблены, на место казненных появляются новые. Время успокоения еще не наступило.

Д а н т о н. Самообман, кровавый мираж, враги! Уничтожь все население Франции и последний человек тебе покажется самым страшным врагом. Гильотина работает, враги плодятся. Это дьявольский круг. Террор должен кончиться.

Р о б е с п ь е р. Не только прекратить, — на один день мы не можем ослабить террора. Революция не кончена.

Д а н т о н. Ложь! Когда пали жирондисты и федераты во Франции не осталось больше врагов. Революция кончена.

Р о б е с п ь е р. Ты прав Дантон, — когда мы отрубили головы жирондистам и федератам, кончилась политическая революция, но это было лишь детской игрой в сравнении с тем, что началось вслед за окончанием политической революции.

Дантон. Борьба за власть.

Робеспьер. Нет. Я говорю о том, что с окончанием политической борьбы в стране началась социальная революция. Этого ты никак не мог понять, Дантон. Ты был вершиной уже давно оконченной и всеми изжитой политической революции. Ты был последним романтиком, героем парижской черни, штурмующей дворцы королей. Ты был ослеплен красными огнями народного карнавала. Да, ты любишь революцию, бунт, опьянение, кровь, факелы, лязг сабель... (Дантон издает рычание. Разжимает руки, но вновь их стискивает на груди.) И вот кровавый карнавал окончен, ты пресытился и устал, и ты не видишь, что в стране, пережившей праздник революции, настали трезвые и суровые будни. Начало длительной и беспощадной борьбы за истинное равенство, свободу и братство.

Дантон. Народу нужен мир. Франция стонет от твоих теоретических формул. Ты — схоластик. Франция хочет жить.

Робеспьер. Народу нужно изжить огромную толщу многотысячелетней несправедливости. Покуда над народом возвышается хотя бы одна голова, народ не перестанет бороться за священное равенство. Только равенством социальным, уничтожением классов, сословий, равным распределением труда, упразднением богатств и социального рабства мы достигнем счастья, т.-е. братства, и духовного просветления, т.-е. свободы. Франция станет второю Спартой, но Спартой без рабов. Настанет зо-

лотой век справедливости и высшей добродетели.

Д а н т о н. Ты надеешься дожить до этого времени?

Р о б е с п ь е р. Нет, золотого века справедливости я не увижу.

Д а н т о н. Но ты веришь в него?

Р о б е с п ь е р. Да, я верю.

Д а н т о н. (Захохотал.) Ты все еще веришь, что вот из этой комнаты дергаешь за ниточки марионеток революции, передвигаешь тысячелетние пласты, направляешь человеческие волны, строишь храм золотому веку. Ты постиг исторические законы, выводил формулы, вычисляешь сроки. Математика, логика, философия! До чего самонадеян человек! Когда ты идешь по улице в чистом сюртучке, строгий учитель социальной революции, обыватели показывают на тебя пальцами: «вот великий Робеспьер, депутат из Арраса, вот Неподкупный, он отрубит головы всем булочникам и даром раздаст нам хлеб». Но — берегись! В тот час, когда ты ошибешься в формуле, в одной только цифре и окажется, что булочников вешать не нужно толпа тебя растерзает и наплюет тебе в кишки. Не ошибись, Робеспьер!

Р о б е с п ь е р. Ты выдаешь себя с головой; ты сердишься. Вот именно — такие люди, как ты, жадные до наслаждения, любят революцию, как любовницу и, когда пресытились, отшвыривают ее пинком. Такие, как ты, ненавидят в революции логику и нравственную чистоту. Да, может быть я ошибусь и погибну, но я до конца

буду бороться за справедливость, я не перестану верить в высший разум революции. Мы с тобой люди различных эпох. Ты был нужен в начале. Мирабо и Дантон подожгли Францию, раздули пламя революции. Тогда были нужны герои, безумцы и романтики. Но сейчас герои — это народ, нация, человечество. Личность, утверждающая себя, — преступна. Я повторяю, во имя великого равенства ты должен забыть самого себя, Дантон. Роздай богатство, подави в себе пороки и чувственность, перестань быть Дантоном. Я откровенно говорю с тобой. Твои заслуги велики. Было время, когда ты, как Атлант, взвалил на плечи Францию и вынес ее из бездны. Я следил за тобой, я многого опасался, мои опасения оправдались. Ты лежишь сейчас об'евшись кровью и мясом, твой гений, твоя сила ушли в наслаждение пищеварения, твой дух погас. Ты утвердил самого себя. Скоро, скоро твое тело начнет издавать отвратительное зловоние. Дантон, бывают времена, когда самоутверждение — государственная измена.

Дантон. Или ты сошел с'ума или ты пьян? Как ты говоришь со мной? Чтож, думаешь, я пришел просить к тебе пощады?

Робеспьер. Да, Дантон, ты пришел просить у меня пощады.

Дантон. Я растопчу и тебя и весь Комитет, как гнилую редьку! За моей спиной народ, вся Франция.

Робеспьер. Ты ошибаешься. За твоей спиной . . .

Дантон. Что?

Робеспьер. За твоей спиной — палач.

Дантон. (Захохотал.) Палач! Ты в этом уверен? Да, ты смелый человек, Робеспьер.

Слушай. Ты когданибудь вдумывался в слово: жизнь? Вот видишь, я хочу жить. Не мешай мне, не заставляй меня опять пачкать рук. Я не хочу больше крови, меня мутит от убийств. Ты хочешь, чтобы я не совался в твои теории, ты один хочешь быть диктатором, будь, чорт с тобой! Но оставь в покое революцию, не вонзай глубже шпоры, ты уже и так пропорол ей брюхо.

Робеспьер. Итак, — беседа наша исчерпана. (Встает и открывает дверь.) Прошу.

Дантон. (Подходит к Робеспьеру, берет его за отворот сюртука.) А ты никогда не думал, что можно гораздо проще повернуть колесо истории?

Робеспьер. (Холодно.) Этого ты не сделаешь.

Дантон. Не посмею?

Робеспьер. Да, не посмеешь.

(Входит Сен Жюст.)

Сен-Жюст. Ты не один? (Дантон отшвыривает Робеспьера.)

Робеспьер. Сен-Жюст, не уходи.

Дантон. Мы встретимся в Конвенте. (Уходит.)

Робеспьер. (Сен-Жюсту.) Ты пришел во время, я задыхался, это грязное животное дышало на меня смрадом, похотью и гнилью. Народный вождь, мерзавец! Сен-Жюст, а если скажут, что он бросал слишком большую тень на меня? Исполин, ве-

ликий Дантон! О черт, но ведь ты веришь мне? Ты понимаешь — я должен быть неумолим.

С е н - Ж ю с т. (Холодно.) Да, я верю тебе, Робеспьер.

Р о б е с п ь е р. Слушай, мне представляется: — из его отрубленной шеи должно хлынуть столько крови, столько крови! Разве за этим я шел к власти? Ведь ты же знаешь меня, ты веришь мне. Я просыпаюсь на заре и слушаю, как щебечут птицы, я начинаю думать о тех людях, о тех безумно счастливых людях, у кого в руках будет лишь сноп и серп. Я вижу тенистые рощи, веселых детей, прекрасных женщин, со снопом и серпом в загорелых руках, мужей идущих за плугом. Мир и благодать. Никто не будет помнить, что эти роскошные луга когда то заливались кровью. Во имя этого счастья, Сен-Жюст, во имя этой мечты я приношу в жертву самого себя, да, да. Я отрываюсь от видений, протягиваю руку, нащупываю лист бумаги, список тех кто на сегодня должен быть казнен. Я не могу остановиться, я должен идти вперед. Каждое утро земля Франции обогрывается кровью моего сердца.

С е н - Ж ю с т. Ты мог бы и не оправдываться перед мною.

Р о б е с п ь е р. Но даже в квартале Сент-Антуан рабочие ворчат, видя тележки с осужденными. Ожидание и ужас охватил весь город. Многие доносят на самих себя. Мы рубим головы чудовищу, на место отрубленных голов вырастают сотни новых. Контрреволюция охватила всю Францию,

как чума. Взгляни любому в глаза, — искры безумия у всех, у всех. День торжества отделяют от нас трупы, трупы, трупы.

Сен - Жюст. Ты болен, тебе нужен отдых.

Робеспьер. Нет, промедление, остановка—смерть, гибель всему. (Пауза.) Но я не могу решиться.

Сен - Жюст. (Резко.) Дантон должен быть казнен.

Робеспьер. Ты так думаешь? Сен-Жюст, это нужно спокойно обсудить Сен-Жюст, в нем пять лет нашей революции. Я знаю, он вреден, он чудовищен, но в нем весь пламень пожара, весь священный бред революции. Мы казним нашу молодость, мы порываем с прошлым. Это нужно хорошо обдумать. Сен-Жюст, он не дастся без борьбы.

Сен - Жюст. (Протягивая ему лист бумаги.) Прочти.

Робеспьер. Что это?

Сен - Жюст. Проскрипционный список.

Робеспьер. (Читает.) Дантон.

Сен - Жюст. Глава заговора.

Робеспьер. Геро де Сешель.

Сен - Жюст. Развратник, циник. Позор республики.

Робеспьер. Лакруа, Филиппо.

Сен - Жюст. Растратчики и казнокрады.

Робеспьер. Камил, но он совсем не опасен.

Сен - Жюст. Он болтлив.

Робеспьер. Камил, Камил, прекраснейший из сынов революции.

Сен - Жюст. Считаю его опаснейшим из всех. Он не умен, талантлив, сентиментален, влюблен в революцию, как в женщину. Он нарумянивает революцию, напяливает на нее розовые венки. Диллетант и бездельник, он больше, чем все вместе, дискредитирует власть.

Робеспьер. Будет так. Где обвинительный акт?

Сен - Жюст. (Подает рукопись.) Черновик.

Робеспьер. Хорошо, я просмотрю. Иди. Оставь меня одного. (Сен-Жюст уходит.)

Четырнадцать человек. Это должно свершиться. Неумолимы законы истории. Я лишь орудие ее суровой воли. Ужасно, ужасно, — четырнадцать человек. Камил, Дантон, Камил, Камил. (Оборачивается к двери, глядит, медленно подымается. На лице ужас.) Уйди, уйди, оставь меня. Я должен, ты понял, я должен. (Схватывает проскрипционный список, скомкивает, замахивается, со стоном опускается у стола.) Я должен . . .

З а н а в е с .

КАРТИНА VI.

Бульвар. На скамейке сидит Симон с газетой. В стороне торговка продает на тележке бобы.

Т о р г о в к а. (Кричит.) Арико вер! Арико, арико!

Ж е н щ и н а в ш а л и. Почем за ливр?

Т о р г о в к а. Подумайте ка сами. Вот продала на восемьсот франков, а надо купить дочери кашемиру на юбку, да чулок, да вина. Вот я все деньги и ухлопала... А нужно еще масла да соли. А хлеба мы вторую неделю не видим. С каждым днем все труднее жить, вот что я вам скажу.

Ж е н щ и н а в ш а л и. Моя девочка со вчерашнего дня не ела, может быть вы уступите немного?

Т о р г о в к а. Говорю вам — не могу... Проходите, гражданка.

Н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а. Все, все с голоду скоро подохнут, будь я проклята.

Х р о м а я ж е н щ и н а. Вот она, ваша свобода, умирать с голоду.

Н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а. И они еще запрещают заниматься нашим ремеслом. Пусть мне отрубят голову, а я буду водить к себе мужчин. Я хочу есть. Все мы сдохнем.

Х р о м а я ж е н щ и н а. Скоро, скоро придет и им черед, вот увидите.

Т о р г о в к а. (Хватает хромого за юбку.)
Подождите ка гражданка, что то ваше ли-
цо мне знакомое.

Х р о м а я ж е н щ и н а. Пусти, не смей ме-
ня хватать!

Т о р г о в к а. Она, я ее знаю, это аристо-
кратка, держите ее, граждане!

С и м о н. (Подходит.) Раскаркались, воро-
ны! Что случилось?

Т о р г о в к а. Позовите полицейского ко-
миссара. Я добрая республиканка. Я тре-
бую, чтобы ее арестовали. Это бывшая мар-
киза де Шеврез. У нее на коңюшне за-
секли до смерти моего родственника.

Х р о м а я. Врешь, врешь, врешь!

С и м о н. Ого, вот оно что, — заговор!

Н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а. Врете вы
все. Я не позволю трогать хромого. Она
тряпичница. Тогда и меня берите вместе
с ней.

С и м о н. А ты кто такая?

Н а к р а ш е н н а я ж е н щ и н а. Я прости-
тутка.

С и м о н. Ах, чорт вас возьми, да здесь вас
целая шайка! (Машет двум появившимся
солдатам милиции.) Граждане, ведите ка
их всех к комиссару. (Шум, давка. Жен-
щин уводят. Несколько женщин выбежали
из толпы и опрокинули тележку с бобами.)

С и м о н. (Гражданину в парике.) Вот ви-
дишь почему добрый республиканец дол-
жен проводить круглые сутки на улице.
Каждую минуту вспыхивают контрреволю-
ционные заговоры. А ты читал сегодняш-
ний декрет?

Г р а ж д а н и н в п а р и к е. Какой?

- С и м о н. (Развертывает газету.) Нищета объявлена священной. Священная нищета! Какие времена, а? Философские времена! Благороднейшие времена!
- Г р а ж д а н и н с к н и ж к о й. (Гражданину в парике.) Пьер, идем.
- Г р а ж д а н и н в п а р и к е. Куда?
- Г р а ж д а н и н с к н и ж к о й. В Конвент. Мне говорили, сегодня будет выступать Дантон. Его голова висит на волоске.
- Г р а ж д а н и н в п а р и к е. Что это у тебя за книга?
- Г р а ж д а н и н с к н и ж к о й. Анакреон, — превосходнейшее издание сорок третьего года. С пометками на полях. (Оглядывается шопотом.) Собственноручными пометками короля.
- Г р а ж д а н и н в п а р и к е. (Берет у него книжку. Залившись слезами, раскрывает ее и целует.)
- Г р а ж д а н и н с к н и ж к о й. Ты сошел с'ума! (Они уходят.)
- С и м о н. Эге, тут тоже что-то не того. (Подозрительно идет за ними. У опрокинутой тележки появляется женщина в шали. Она собирает бобы. Дантон смотрит на нее, выйдя из-за деревьев.)
- Ж е н щ и н а в ш а л и. (Испуганно.) Здесь, я думаю, не больше двух ливров?
- Д а н т о н. Да, я думаю, ни в каком случае не больше двух ливров.
- Ж е н щ и н а в ш а л и. Я положу ей деньги на тележку, но я положу меньше, чем она просила за два ливра. У меня больше нет денег. Моя девочка голодна. Если бы вы знали, как тяжело жить.

Д а н т о н Для жизни наше время приспособлено плохо. Вы правы.

Ж е н щ и н а в ш а л и. Я не жалуясь. Разве я имею право жаловаться?

Д а н т о н. Вы очень красивы. Вы это знаете?

Ж е н щ и н а в ш а л и. Что вы, я так по-дурнела, сама себя не узнаю. Одна только моя дочка и находит меня красивой. Благодарю Вас. До свиданья.

Д а н т о н. Подождите (снимает с пальца и дает ей кольцо). Возьмите.

Ж е н щ и н а в ш а л и. Но это очень ценная вещица. Я не могу взять.

Д а н т о н. Прошу вас взять это кольцо на память от меня. Вы вдова?

Ж е н щ и н а в ш а л и. Да, мой муж убит.

Д а н т о н. На войне?

Ж е н щ и н а в ш а л и. Нет. Его убили напрасно. Мой муж был поэт. Он должен был стать великим поэтом. Я ночью вытащила его тело из целой горы изрубленных трупов, а он мог быть гордостью Франции.

Д а н т о н. Это было в сентябре?

Ж е н щ и н а в ш а л и. Моего мужа убили в сентябрьскую резню. Убийцы будут прокляты, я знаю. Кровь их задушит. Я видела, тогда ночью они воткнули в землю факелы, сидели на трупах и пили водку сыпали в нее порох. У них были черные, ужасные лица, этого забыть нельзя.

Д а н т о н. У них были черные лица?

Ж е н щ и н а в ш а л и. Они все будут прокляты. Будет проклят их вождь, чудовище!

Д а н т о н. Кто, кто?

Ж е н щ и н а в ш а л и. О, вы знаете его имя. Он, как сатана, простер крылья в те дни над Парижем.

Д а н т о н. Вы уверены, что сентябрьскую резню устроил Дантон?

(Женщина в шали останавливается, глядит на него дико, с глухим криком отшатывается.)

Ж е н щ и н а в ш а л и. Дантон!

(Она скрывается за деревьями, он уходит за ней. Появляется Камил и Люси.)

Л ю с и. Он опять с какой то женщиной.

К а м и л. Все эти дни у него жуткое влечение к женщинам. Он сажает их на колени, рассматривает руки, шею, лицо, глаза, он точно согревается их теплотой. Посмотри, как он тяжело ступает. Как согнуты его плечи. В нем какое то страшное оцепенение.

Л ю с и. Я люблю тебя, как никогда, Камил. Я люблю тебя до слез до отчаяния. Мне страшно, мне страшно.

К а м и л. Люби, люби меня, моя Люси. Мы никогда не разлучимся ни здесь ни там. (Он целует ее.)

Л ю с и. Солнце мое, жизнь моя! (Входит Лакруа.)

Л а к р у а. Где Дантон? Заседание началось. Все кончено, чорт возьми. Я предупреждал, он медлил, пьяница, обжора! Все кончено. Отдан приказ об аресте Дантона, меня, вас всех . . . Сегодня ночью должны арестовать четырнадцать человек. Пойди и скажи ему. Я иду домой, наплевать, смерть, так смерть. (Люси падает без чувств.)

З а н а в е с.

КАРТИНА VII.

Там-же. Вечер. Бульвар освещен светом фонаря. Сквозь деревья виден закат. На скамье сидит Дантон. Между деревьями появляется Луиза.

Луиза. Это я, не бойся. (Садится около него.) Они никогда не посмеют поднять на тебя руку.

Дантон. Я не боюсь, я сижу спокойно.

Луиза. Сейчас была у Люси. Бедняжка плачет, умоляет Камила пойти к Робеспьеру. Ведь они школьные товарищи. Робеспьер крестил у них маленького. Боже, мне кажется все это — сон.

Дантон. Да, все это тяжкий сон.

Луиза. При мне пришел к ним какой то незнакомый, сказал, что тебя ищут повсюду, по всему Парижу. Уедем.

Дантон. Я не хочу прятаться. Не бежать же мне за границу. Бесполезно. Луиза, сейчас спускалось солнце и моя тень протянулась до конца бульвара. Я долго глядел на эту красноватую, чудовищную тень. Вот истинный размер моего тела. Куда же мне прятаться? Когда человек вырастает до таких размеров, он должен стоять неподвижно. Ты говоришь сон. Как странно, я весь оцепенел. — так бывает во сне, я весь точно пророс корнями. Ко-

гда я иду, мне трудно отдирать подошвы от земли. Мне хочется только одно: Лечь на землю и заснуть. Да, Люлю, нельзя отворотить нож гильотины: — если назначено ему пасть, он упадет на мою шею.

Луиза. Да хранит тебя Пречистая Матерь Божия. Молись, молись со мной. Твой разум потемнел.

Дантон. Когда я был маленьким, мы с матушкой становились на колени перед кроватью и молились о нашей семье, об урожае, о хромом нищем, о короле. О чем мне сейчас молиться? Я уйду в темноту, в вечную тьму. И там я не хочу ничего не помнить, ни о чем не сожалеть. Вот сладость смерти: забыть все.

Луиза. Ты же любишь меня хоть немного? Зачем ты отталкиваешь мою руку? Я не хочу с тобой разлучаться.

Дантон. Меня тяготят воспоминания. Их с каждым днем все больше. Сначала они шли в одиночку, теперь бредут в моем мозгу целыми толпами. Я слышу их страшные шаги, Луиза. Это кочевые орды воспоминаний. До твоего прихода я сидел и внимал, — улицы затихали, закигались огни. Стало так тихо, что я слышал биение моего сердца. Понемногу все громче, все торжественнее шумела кровь в моих жилах. Ее шум походил на глухой ропот толпы. Я различал в ее таинственном шуме бешеные вопли, крики, лязг стали. Я различал, как завывали голоса в моей крови: Сентябрь, сентябрь! Зачем он протягивает ко мне окровавленные руки!

Луиза. Разве ты забыл, — республика была на краю гибели.

Д а н т о н. Да, да, я спас республику.

Л у и з а. Враги наводнили границы, двигались к Парижу.

Д а н т о н. Да, да, герцог Брауншвейгский и Прусский король двигались к Парижу.

Л у и з а. Париж был наполнен заговорщиками и предателями. Никто не мог удержать народ от кровавой расправы. В сентябре ты один взял на свою совесть спасение Франции.

Д а н т о н. Ложь, ложь, ложь! Пять тысяч ни в чем не повинных стариков, женщин, детей было зарезано в тюрьмах. Меня душил кровь, Луиза. Кто выдумал, что для спасения человечества нужно залить его— его же кровью. Я не верю более ни во что, ни в себя, ни в тебя, ни в день, ни в ночь, ни в правду, ни в ложь! Луиза, спаси меня. (В глубине бульвара слышны голоса, виден свет факела.)

Л у и з а. Матерь Божия, помилуй нас!

Д а н т о н. Это за мной. Идем домой Луиза. Я не хочу быть пойманным, как уличный вор.

(Дантон и Луиза уходят. Появляется Симон, солдаты с факелами, несколько граждан.)

С и м о н. Клянусь гильотиной, — он где-то здесь! Я видел, как сюда пробежала его жена. Ей, Дантон! Фу, ты чорт, у кого из вас фляжка? У меня пересохли внутренности. Живым или мертвым, а мы его захватим. Если он улизнет в Англию, республика погибла. Ей, Дантон!

З а н а в е с.

КАРТИНА VIII.

Революционный трибунал. Скамьи заполняются публикой. На первом плане Фукиэ Тенвиль перелистывает бумаги, рядом с ним Герман.

Фукиэ. Ты боишься Дантона?

Герман. Он будет защищаться. С остальными справиться не трудно.

Фукиэ. А Камил Демулен?

Герман. Этот не страшен.

Фукиэ. У него есть заслуги в прошлом. Все же он первый начал революцию.

Герман. Он ее и кончит. Змея ужалит собственный хвост.

Фукиэ. (Складывает бумаги в папку.) В Конвенте Робеспьер победил пока что. Его речь произвела весьма сильное впечатление. Весьма.

Герман. О чем он говорил?

Фукиэ. Робеспьер говорил о чистоте принципов, о величии духа и о жертвах, которые требует революция. Когда он дошел до жертв, по скамьям пролетело веяние ужаса. Депутаты слушали в оцепенении, каждый ожидал, что будет произнесено его имя. Когда же выяснилось, что Робеспьер требует только выдачи Дантона и дантонистов, Конвент облегченно вздохнул, начались раболепные гнусные аплодисменты. Это была минута величайшей в истории

подлости. Затем на трибуну вошел Сен-Жюст и с ледяным спокойствием доказал, чисто философически, что человечество в своем движении к счастью всегда перешагивает через трупы. Это также закономерно, как явление природы. Сен-Жюст успокоил совесть Конвента и Дантон был выдан нам головой. Вот как было дело, но все же это пока только половина победы. Дантон может до смерти напугать присяжных и увлечь на свою сторону парижские улицы. Ну-с, а если присяжные его оправдают?

Герман. Этого нельзя допустить.

Фукиэ. Ты уверен в присяжных?

Герман. Пришлось обойти закон. Я выбрал присяжных не по жребию, а подобрал самых надежных.

Фукиэ. На них можно будет положиться?

Герман. Один глухой и свиреп, как дьявол. Двое алькоголики, — они будут дремать во все время заседания и откроют рот только для того, чтобы сказать «виновен». Еще один неудавшийся художник, голодный, озлобленный, у него принцип: из революционного трибунала одна дорога — на гильотину. Остальные также надежны.

Фукиэ. Но народ, народ! Посмотри, что делается под окнами. (Они подходят к окну. Фуке нюхает табак.) Послушай, Герман, а что если бы в тюрьме, скажем, случился маленький заговор?

Герман. Заговор в тюрьме?

Фукиэ. Да. Предположим, заключенные подкупают сторожей.

Герман. Так.

Фукиэ. Раздают деньги народу, чтобы вызвать в городе возмущение судебным процессом.

Герман. Так, так.

Фукиэ. Это бы могло весьма сильно поддержать наше обвинение.

Герман. Да, ты прав.

(Входит служитель.)

Фукиэ. Присяжные собрались?

Служитель. Присяжные все в сборе, народ ломится в двери.

Фукиэ. Начнем?

Герман. (Служителю.) Введите судей, откройте двери.

(Скамьи быстро заполняются публикой. Появляются присяжные судьи. Члены трибунала занимают свои места.)

Гражданин в красном колпаке.
Да здравствует республика, да здравствует революционный трибунал!

Голоса в публике. Да здравствует республика! Смерть врагам республики!

Голоса в публике.

Да здравствует республика!

Смерть врагам республики!

Гражданин в черной шапочке.

Граждане члены революционного трибунала, мы требуем, чтобы обвиняемым был вынесен смертный приговор.

Голоса в публике.

— Смертный приговор тому, кто это крикнул! —

— Тише, тише! —

— Кто сказал? Кто это говорит?

— Здесь заговор! —

— Смерть заговорщикам! —

Герман. (Камилу.) Подсудимый, ваше имя?

Камил. (С гневом.) Ты его знаешь, негодяй!

Фукиэ. Подсудимый мне лично известен, его имя Камил Демулен.

Камил. Тебе то слишком знакомо должно быть мое имя, Фукиэ Тенвиль. Я посадил тебя на это кресло публичным обвинителем.

Герман. Ваш возраст?

Камил. Мне ровно столько лет, сколько было знаменитому Санкюлоту, Иисусу Христу, в день смерти.

Голоса в публике.

— Браво!

— Хорошо отвечено! —

— Ей Герман, спроси его еще о чем
нибудь!

Герман. Род занятий?

Камил. (Кричит в бешенстве.) Революционер, патриот, народный трибун!

Голоса в публике.

— Браво, Камил Демулен! —

— Он верно говорит, он наш трибун

— Он добрый патриот.

Герман. (Звонит. Дантону.) Подсудимый, ваше имя?

Дантон. Мое имя всем здесь присутствующим хорошо известно.

Голоса в публике.

— Дантон, Дантон, тише, тише!

Герман. Возраст?

Дантон. Мне тридцать пять лет.

Герман. Род занятий?

Дантон. Министр юстиции французской республики, член Конвента, член Комитета Общественной Безопасности.

Герман. Ваше местожительство?

Дантон. Моим жилищем скоро будет ничто, мое имя будет жить в Пантеоне истории.

Голоса в публике.

— Браво, Дантон! —

— Браво, Дантон, смелее! —

— Дантон тряхни львиной гривой! —

— Дантон зарычи.

(Председатель звонит.)

Камилл. Герман, спроси ка еще, сколько у Дантона зубов во рту.

(В публике смех.)

Дантон. (Ударяет по баллюстраде рукописью.) Вот обвинительный акт. Какой то негодяй старательно трудился очернить и оболгать мое имя. Оскорбление нанесено не мне, но революции, истории. Всей Франции нанесена пощечина этой кучей дрянной бумаги.

Герман. Я вас призываю к порядку. Дантон, вас обвиняют в сношении с двором Людовика Капета: вы получали деньги из личных сумм казненного короля, вас обвиняют в сообщничестве с покойным Мирабо, в целях восстановления монархии, вас обвиняют в дружбе с генералом Демурье, вы тайно сносились с генералом, имея целью возбудить армию против Конвента и повернуть ее на Париж. Вашей задачей было восстановление конституционной монархии и возведение на престол герцога Орлеанского.

Дантон. Все это отвратительная ложь!

Герман. И так мы приступим к чтению обвинительного акта.

Д а н т о н. Обвинительный акт с начала до конца ложь. Я требую слова.

Г е р м а н. (Звонит.) Вам будет дано слово в свое время.

Г о л о с а в п у б л и к е.

— Пусть говорит! —

— Мы требуем чтобы он говорил! —

— К чорту формальности! —

— Долой председателя! —

— Долой революционный трибунал! —

Д а н т о н. Пусть негодяй оклеветавший меня выступит открыто. Пусть явится на суд с поднятым забралом. Я не боюсь клеветы. Я не боюсь смерти. Казните меня и мое имя будет внесено в храм славы. Такие люди, как я, рождаются в столетие раз, на их челе сияет печать гения. Так где же мои клеветники? Где эти тайные обвинители, наносящие удар ночью исподтишка. Я их не вижу. (К публике.) Быть может вы меня обвиняете в измене республике? (Гул голосов.) Вот обвинительный акт. Меня обвиняют в раболепстве перед двором Людовика Капета, меня обвиняют в тайных сношениях с изменником Демурье. О, Сен-Жюст, ты ответишь мне за эту низкую клевету. (Аплодисменты.) Вы покушаетесь на мою жизнь. Мой инстинкт приказывает мне защищаться. Каждый пункт обвинительного акта я разобью, как глиняную химеру. Я вас похороню под любой из моих заслуг. Вы их забыли. Напоминаю. Когда Лафайет расстреливал вас из пушек на Марсовом поле, я объявил войну монархии. Десятого августа я ее разбил. Двадцать первого января я ее

убил, я как перчатку швырнул к ногам монархов Европы окровавленную голову короля. (Бурные аплодисменты среди публики.)

Герман. (Звонит.) Неужели вы не слышите звонка?

Дантон. Голос человека защищающего жизнь и честь должен заглушить звон колокольчика. Да, в сентябре я поднял последние волны народного гнева. Народ зарычал так свирепо, что герцог Брауншвейгский в ужасе отдернул руку уже протянутую к Парижу. Европа затрепетала. Я выковал народу оружие из золота аристократов. Две тысячи революционных батальонов я бросил на восточную границу. Кто смеет бросить в меня камень? (Аплодисменты, крики, в Дантона бросают цветы.)

Голоса в публике.

— Да здравствует Дантон! —

— Да здравствует народный трибун! —

— Мы требуем освобождения —

— Освободить, освободить Дантона! —

— Долой революционный трибунал! —

— К чорту судей! —

Герман. (Звонит.) Объявляю перерыв на десять минут.

Дантон. Народ, ты сам будешь судить меня. Твоему суду и справедливости отдаю свою жизнь. (Рукоплескание, крики.)

Занавес.

КАРТИНА IX.

Площадка перед зданием революционного трибунала. Третий день процесса. Обеденный перерыв, сквозь окна видно, как сторожа убирают зал суда.

С и м о н. (Появляется на площадке. В окно — сторожу.) Алло! Пашен.

С т о р о ж. (Выглядывая в окно.) Что тебе?

С и м о н. Я не дурно пообедал, здесь за углом в кофейной.

С т о р о ж. Ну и вари себе на здоровье, если ты сытно пообедал.

С и м о н. Не в том дело, Пашен. Пропусти ка меня, старина, в трибунал. Я хочу заранее занять местечко поближе.

С т о р о ж. А ведь дела то плохи. Судьи совсем струсили, Дантон делает с ними, что хочет.

С и м о н. Дантон рычит так, что его слышно на другом берегу Сены. Весь народ за Дантона. Коммуна также за Дантона. Вот дела какие.

С т о р о ж. Получается, что не Дантона судят, а Дантон судит Революционный Трибунал.

С и м о н. Скажу тебе по совести, Пашен, я сам ничего больше не понимаю: за кого мне стоять, за Дантона или за Робеспьера? Дантон друг народа и Робеспьер друг на-

рода. И тот и другой мне очень нравятся. Но почему то, все же, одному из них нужно отрубить голову. Пойми меня, Пашен, — я выпил перед обедом целых три аперитива и впал в страшную меланхолию, я не могу решить кому из них нужно отрубить голову. Мой патриотизм сбит с толку.

С т о р о ж. Ну, иди, я тебя пропущу (Симон уходит в под'езд и затем видно через окно, как он проходит на места для публики. На площадке появляются Колло и Фукиэ.)

К о л о. Победа Дантона будет поражением революции. Дантон — это остановка. Это революция ушедшая в пищеварение. Его необходимо убрать с дороги какой бы то ни было ценой, хотя бы ударом кинжала.

Ф у к и э. (Нюхает табак.) Обвиняемые требуют вызова в суд депутатов Конвента и членов Комитета Общественного Спасенья.

К о л о. Но тогда мы погибли, этого нельзя допускать!

Ф у к и э. Это их право. Закон бессилён отказать.

К о л о. Привлеки еще свидетелей обвинения.

Ф у к и э. Свидетели все уже допрошены.

К о л о. Найди новых. Заплати им денег. Мы рискуем сейчас своей головой. Плати им по тысяче франков за каждое слово.

Ф у к и э. Дантон все время обращается к народу. Возбуждение в зале и суде не поддается описанию. Судьи сидят, повесив носы, как мокрые вороны. Дантон, Камил и Лакруа так ругаются, что женщины визжат от наслаждения. (Протягива-

ет табакерку.) Прошу. Большой ошибкой было начинать этот процесс.

К о л о. Я говорил Робеспьеру, что нужно обождать. Ты слишком рано начинаешь борьбу. В народе еще бродят дрожжи анархии. Идея железной государственной власти еще не опирается на народные массы.

Ф у к и э. Что же ответил тебе на это Робеспьер?

К о л о. Робеспьер, как всегда в таких случаях, застегнул наглухо сюртук, заперся у себя на дому.

Ф у к и э. Может быть он и прав. (Входит Сен-Жюст.)

С е н - Ж ю с т. Я тебя искал Фукиэ: только что получен донос из Люксембурга. В тюрьме раскрыт заговор. Жены Дантона и Демулена организовали раздачу денег народу. Сторожа подкуплены. Готовится разгром тюрем, говорят, что здание Конвента будет взорвано.

К о л о. Мы спасены!

Ф у к и э. Есть свидетели?

С е н - Ж ю с т. Арестованы восемнадцать человек. Пока молчи обо всем. Я иду в Конвент и заставлю его спешно издать декрет о том, чтобы процесс продолжался при закрытых дверях.

Ф у к и э. (Захлопывая табакерку.) Да, это смертный приговор.

З а н а в е с.

КАРТИНА X.

Там же через час. У решетки толпится народ. Сквозь окна видны в зале трибунала судьи, обвиняемые, часть публики.

Д а н т о н. (Видный во весь рост в окне.)
Вы должны знать правду. Франции грозит диктатура. Шайка честолюбцев и негодяев стремится набросить железную узду на республику. Смертельная опасность грозит всем вольностям, правам человека и завоеваниям революции. Я обвиняю Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и Колло д'Эрбуа в стремлении к диктатуре. Я обвиняю их в государственной измене. Они хотят утопить республику в крови, разогнать Конвент и учредить директорию. Наррд, ты требуешь хлеба, а тебе бросают головы твоих трибунов. Ты томишься жаждой, а тебя заставляют лизать кровь на ступеньках гильотины.

Г о л о с а в т о л п е.

— Долой диктаторов! —

— Долой, долой, долой диктаторов! —

— Да здравствует Дантон! —

О т д е л ь н ы й г о л о с. Он правильно говорит. Вместо вина нам дают пить кровь. Нам бросают отрубленные головы вместо хлеба.

Ж е н с к и е г о л о с а.

— Хлеба, хлеба, хлеба! —

Отдельный голос.

— Граждане, идем, разнесем трибунал!—

— Граждане, пароль: Дантон и хлеба!—

Голоса.

— Дантон и хлеба! —

— Дантон и хлеба! —

— Дантон и хлеба! —

(Толпа напирает, несколько солдат с ружьями стараются ее оттеснить.)

Дантон. (Кричит судьям.) Мерзавцы! Вы слышите, что кричит народ! Держите крепче свои головы.

Камил. (Кричит судьям.) Мы требуем отдельной комиссии.

Герман. (Звоня в колокольчик, схватившись за растрепанный парик.) Я призываю вас к порядку. Имейте уважение к суду.

Лакруа. Это не суд, а шайка подкупных мошенников. Замолчи негодяй.

Камил. Герман, поправь парик, он попадет в чернильницу.

Геро. Гражданин председатель, именем Фемиды перестаньте звонить, у меня лопнут уши.

Дантон. Приказываю тебе прервать эту гнусную комедию.

Камил. Мы требуем прервать заседание до созыва комиссии.

Лакруа. Прервать заседание! К чорту! (Шум, судьи растеряны, обвиняемые встают. Толпа ломится к окошкам.)

Дантон. Народ, тебя пытались обмануть, но мы во время раскрыли чудовищный заговор.

Г о л о с а.

— Освободить Дантона. —

— Долой предателей. Бей окна! —

(В это время, сквозь толпу, в трибунал протискивается Колло.)

К о л л о. Дорогу, дорогу, дорогу. Декрет Конвента, декрет Конвента! (Входит в зал суда.)

Г о л о с а в т о л п е.

— Это Колло д'Эрбуа!

— Кровопийца!

— Он сказал, декрет Конвента.

— Опять какая-нибудь подлость.

— Новый заговор против народа.

— Одна шайка. Хулиганы! кровопийцы!

— А мы без хлеба сидим.

— Хлеба, хлеба, хлеба.

— Освободить Дантона!

Ф у к и э. (Которому Колло передал бумагу.) Декрет Конвента! (Мгновенная тишина.) Конвент постановил. Вследствие того, что в Люксембургской тюрьме обнаружен мятеж среди заключенных, вследствие того, что гражданки Люси Демулен и Луиза Дантон раздавали народу асигнации в целях поднять восстание против правительства, вследствие того, что генерал Диллон, подкупив сторожей, сделал попытку бежать из тюрьмы и стать во главе мятежников, вследствие того, что обвиняемые по настоящему процессу принимали участие в этих преступных замыслах и неоднократно оскорбляли суд, — Революционному Трибуналу предписывается продолжать судоговорение без перерыва и вменяется в право лишать слова обвиняемого, буде об-

виняемый не обнаружит должного уважения перед лицом закона.

Дантон. Я протестую. Мне зажимают рот, чтобы ловчее перерезать глотку. Это не суд, это убийство!

Камил. (Судьям.) Мерзавцы, мясники, негодяи. Они хотят зарезать мою Люси.

Герман. Я вас лишаю слова.

Камил. Так подавись моим словом. (Швыряет скомканную рукопись в лицо Герману.)

Герман. Я объявляю высшую меру пресечения, прошу публику очистить зал.

Голоса в зале трибунала.

— Позор!

— Протестуем.

— Мы не уйдем!

— Мы требуем отмены декрета!

— Позор, позор, позор!

(Солдаты очищают места для публики.)

Голоса перед трибуналом.

— Граждане, что же это такое?

— Какой это суд, это убийство.

— Убейте нас, стреляйте в нас.

— Все равно подышать!

— Освободить Дантона!

Дантон. (Бросается к окну, протягивает руки к толпе.) Граждане, братья, защитите, нас убивают! (Взрыв голосов.)

Герман. Закройте окна, спустите занавеси. (Служитель оттаскивает Дантона, закрывает окна, спускает занавеси. В толпе смятение, драка. Отчаянные крики. Из дверей наружу валит народ, бывший в зале.)

Гражданин в красном колпаке. (Поднявшись на фонаре.) Граждане, слу-

шайте, граждане — тише! Вы хотите
знать, почему в Париже нет хлеба?

Г о л о с а.

— О чем он говорит?

— Говорит, почему в Париже нет хлеба.

— Тише, он говорит о хлебе.

Г р а ж д а н и н в к р а с н о м к о л п а к е.

Я спрашиваю почему вы помигаете с голоду? А только потому, что этот изменник Дантон тайно продавал хлеб англичанам.

Г о л о с а. Врешь, Дантон не станет продавать хлеба англичанам.

Г р а ж д а н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е.

(Забравшись на другой фонарь.) Граждане, у меня есть достоверные данные, что Дантон предатель.

Г р а ж д а н и н в к р а с н о м к о л п а к е.

Граждане, вас едят вши. На вас, как на покойниках, истлела одежда. А вы знаете, как живет Дантон?

Г р а ж д а н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е.

Дантон купил в Севре дворец. Дантон носит шелковое белье.

Г р а ж д а н и н в к р а с н о м к о л п а к е.

Дантон жрет фазанов и купается в бургундском. Дантон кормит охотничьих собак белым хлебом.

Г о л о с а.

— О, о, о!

Г р а ж д а н и н в ч е р н о й ш а п о ч к е.

Дантон был раньше также беден, как мы все. Дантон поехал в Бельгию и получил от герцога Орлеанского пять миллионов франков золотом.

Г о л о с а.

— О, о, о!

Гражданин в красном колпаке.
Правительство передало Дантону, как министру юстиции, на хранение драгоценности и бриллианты проклятой австриачки. Я спрашиваю, где эти сокровища?

Гражданин в черной шапочке.
Бриллианты австриачки вывезены в Испанию, золото продано англичанам. Дантон богат. Дантон по шею в золоте.

Г о л о с а.

— О, о, о!

Гражданин в красном колпаке.
А вы знаете граждане, как живет Робеспьер истинный друг народа. За пять лет он не сшил себе нового сюртука. У него две рубашки — все в заплатах. Я сам видел, как одна гражданка подарила ему носовой платок. Робеспьер с негодованием швырнул носовой платок в лицо глупой женщине. Он сказал: «я не желаю предаваться излишествам, покуда у французского народа нет хлеба, чтобы утолить голод». И такого человека Дантон хотел очернить и бросить под нож гильотины.

Гражданин в черной шапочке.
Да здравствует Робеспьер.

Г о л о с а.

— Да здравствует Робеспьер!

— Да здравствует Неподкупный!

— Да здравствует друг народа!

Гражданин в красном колпаке.
Смерть Дантону!

Г о л о с а.

— Долой Дантона!

— Смерть, смерть Дантону!

З а н а в е с.

КАРТИНА XI.

Тюрьма, сводчатое помещение. В глубине окно. На койках лежат Дантон, Камил, Лакруа, Филиппо и Геро. По середине — стол с остатками еды. Входит сторож с фонарем.

Сторож. Иные перед смертью много едят и пьют, а иные ничего не едят и не пьют, а иные и пьют без всякого удовольствия: вспомнят, что на утро голова будет валяться в корзине, и — их тошнит и в желудке останавливается пищеварение. (Смотрит в бутылки, в тарелки.) Эти все с'ели, все вино выпили. Нет, ведь, чортовы дети, сторожу оставить. Не все ли равно: натошак тебе голову отрубят, или ты набил живот свининой. (Освещает фонарем койки, считает пальцем.) Раз, два, три, четыре, пять. (Геро поднимает голову.)

Геро. Кто это?

Сторож. Может быть еще спрятали гденибудь бутылку то?

Геро. Это ты, Диоген, ищи, голубчик ищи.

Сторож. А куда спрятали то?

Геро. Далеко спрятано и глубоко, а завтра запрячут навсегда.

Сторож. Ты про что это говоришь?

Геро. Про человека, Диоген, про человека.

Сторож. Глотка собачья, а я говорю про бутылку.

Г е р о. Мы выпили все вино до последней капли и уходим с пиршества с такой легкой головой, будто ее и нет на плечах.

С т о р о ж. Ну, ладно, спите, чортовы дети. (Вдалеке звонят часы.) Три часа, скоро за вами придут. (Уходит, замкнув за собою дверь.)

Л а к р у а. Я весь с'еден.

Г е р о. Ты не спал?

Л а к р у а. Здесь необыкновенное количество насекомых. Невыносимо!

Г е р о. С завтрашнего дня нас будут кушать насекомые другой породы.

Л а к р у а. Черви? Да.

(В окне показывается луна, тюрьма озаряется ее светом.)

Г е р о. Мы взошли на палубу таинственного корабля. Паруса уже распущены. Смотри, — полетим по этим голубым волнам. Родная земля задернется туманом и уйдет навсегда. Это неизбежно, и очень грустно, но что ж поделаешь. Мы все лишь на короткое время посещаем нашу прекрасную планету.

Л а к р у а. Я боюсь не смерти, но боли. Говорят: эта сотая секунды, когда нож гилиотины пререзывает шею, — иступленно мучительна и долгая, как вечность. Какое было бы счастье — достать яду.

Ф и л и п п о. Молчите, я хочу спать.

Г е р о. Когда я был маленьким, я часто видел сон: плыву в фантастическом корабле по лунному свету.

Ф и л и п п о. Если бы можно было избавиться от насекомых!

Л а к р у а. Это ужасно!

Ф и л и п п о. Республика это просто мясная лавка! Нас устраняют, превосходно. Но кто останется? Народ без вождей, страна без головы, одно брюхо. Ради Бога, хотя бы намек на здравый смысл в нашей казни. Мучительна бесцельность. Разве только одно, что Робеспьер протянет еще лишние два, три месяца, но и он попадет под нож. Весь цвет страны, весь гений народа срезан. Революция вызвала, выманила из хаоса гений народа, теперь отсекают ему голову.

Л а к р у а. Замолчи, не все ли тебе равно теперь, — поздно, поздно.

Г е р о. Одно хорошо. Там мы будем молчать. Это меня примиряет со смертью. Ни речей, ни размахивания знаменем, ни декретов. Тихо и прилично. Лакруа, не тащи с меня одеяло. Откуда то страшно дует. Я бы не хотел, чтобы к утру распух нос.

(Камил слезает с койки, идет к окну и на подоконнике пишет письмо.)

Ф и л и п п о. Пять лет мы летим по стеклянной плоскости в бездну. Ни секунды остановки. Какое ничтожество, какое возмнившее о себе ничтожество человек.

Л а к р у а. Приближаются палачи, бросаются на тебя, как на зверя . . . «Правосудие совершено!» Это ужасно.

Д а н т о н. Они посмеют отрубить мне голову! Невероятно! (Встает с койки и ходит из угла в угол.) Лакруа, ты можешь понять это во всю силу разума?

Л а к р у а. Мне тошно. Я слишком много с'ел, пища стоит комом в желудке.

Г е р о. Жонглеры, цирковые акробаты, жокеи никогда не едят много перед выступлением. Плотный желудок тянет к земле и мешает делать чистые сальтомортале.

Ф и л и п п о. Сальтомортале! Сначала нужно научиться ходить по земле, а Франция сразу начала прыжки смерти.

Д а н т о н. Я перестану быть! Завтра во Франции не будет Дантона! Но ведь никто из них не понимает, как нужно управлять страной. Какое ликование подыметсЯ в Англии: Французы сошли с ума! (Берется за дверную решетку и потрясает ее.) Французы сошли с ума! Ей, французы! Революция сошла с ума!

Г о л о с и з с о с е д н е й к а м е р ы. Не мешайте мне спать.

Г е р о. (Вскакивает с койки.) Дантон, подожди. Кто там говорит за стеной. Что? Г о л о с з а с т е н о й. Не мешайте мне спать.

Г е р о. Это он! Это голос Андрэ Шенье!

Ф и л и п п о. Быть этого не может! Андрэ Шенье брошен в тюрьму?

Д а н т о н. Робеспьер давно уже внес его в проскрипционный список. Его арестовали на прошлой неделе ночью около отеля Буленвилье. Они арестовали бы Вольтера и Руссо. Казнить обыкновенных людей, — старо и скучно. Вали их в известковую яму хоть десятками, а вот поднять над эшафотом голову национального гения, — о, такую роскошь может позволить себе не каждый народ. Завтра, завтра веселый день для парижан. Подумайте, какой обмен впечатлениями в кафэ за рюмкой ап-

перитива. А вы видели, как Дантон всходил на эшафот? Великолепная фигура. Как он откинул гриву и оглядел площадь, брезгливо поморщился и лег, и — хрясть! отскочил мячик от плеч.

Г е р о. В особенности будут довольны женщины. Завтра ночью они увидят тебя во сне. Завтра ночью сто тысяч молоденьких парижанок изменят мужьям с твоею тенью. В одну ночь сто тысяч любовниц, — недурно, Дантон. (Щелкает пальцами.)

Л а к р у а. Тише! . . . Стойте . . . (Бьют часы.)

Ф и л и п п о. Половина четвертого.

Д а н т о н. Я выхожу из тележки на эшафот. Впереди два столба, между ними доска с круглой дырой, в эту дыру я должен просунуть голову. Тридцать пять лет я жил, любил, наслаждался, потрясал мир. Я поднялся выше всех, только для того, чтобы последним усилием просунуть голову в эту дыру не шире моей шеи. Ворота из жизни в небытьё! Стоило устраивать революцию. Стоило создавать человека, стоило создавать эту дурацкую землю.

Г е р о. Я высчитал. Из моего тела получится все же горсточка чернозема, на ней вырастет артишок.

К а м и л. (У окна). Люсиль, Люсиль, дорогая моя Люсиль. (Склоняется головой на лист письма и плачет.)

Г е р о. Ну, дело дошло до слез. (Вытаскивает из под подушки книгу, раскрывает ее и углубляется в чтение.)

Д а н т о н. (Тихо.) Мерзавцы, мерзавцы!

Л а к р у а. Если бы знать, что там за смертью?

Ф и л и п п о. Дурной сон, бред, сумасшествие!

Д а н т о н. Что там за смертью? Плевать. Во всяком случае я хорошо воспользовался жизнью. Наделал много шума на земле, выпил много вина. Да, может быть это мудро, что я уйду во время. (Подходит к Камилу.) Не нужно плакать. Ты пишешь Люси? А я в эти дни ни разу не вспомнил о моей жене. Бедняжка, она беременна. Не плачь, прочти мне.

К а м и л. (Читает.) «Благодетельный сон сократил мои мучения. Небо сжалилось надо мной. Я видел тебя во сне, Люси. Я целовал твои руки, твои губы, твое заплаканное лицо. Я проснулся со стоном и вот — снова в тюрьме. В окошко светит холодная луна. Боже какой там холод! Какой холод! Люсиль, Люсиль где ты? (Зарыдал.)

Д а н т о н. Ну, ну.

К а м и л. Умоляю тебя — если ты увидишь завтра, как меня повезут, молчи, не разорви мне сердце, не кричи, стисни зубы. Ты должна жить ради нашего ребенка. Говори ему обо мне. Говори, что я хотел великого счастья. Я хотел такой республики, которую обожал бы весь мир. Я умираю Люси. Я верю, что есть Бог. За мою любовь, за мои страдания Господь простит меня. Я верю, там я увижусь с тобою Люси. Прощай, моя жизнь, моя радость, мое божество. Прощай, Люсиль, моя Люсиль, моя дорогая Люсиль. Я чувствую, как убегает берег жизни, но мои связанные руки еще обнимают тебя и моя отде-

ленная от туловища голова не отводит от
тебя потухших глаз. Люси!

Д а н т о н. У нас не осталось вина?

(Сильный стук в дверь.)

Л а к р у а. Кто там? Палач.

Д а н т о н. Пришли за нами, простимся.

Прощай, Камил, будь мужественен.

Г е р о. (Захлопывая книгу.) Пора в путь.

(Дверь раскрывается, входит тюремщик с
фонарем, солдаты и палач.)

З а н а в е с.

КАРТИНА XII.

Дождливое утро. Часть площади. Кучи любопытствующих. У стены стоит Люси, закрыв голову черной шалью. У ног ее — Луиза, спрятав голову ей в колени. В глубине — эшафот гильотины. Появляется Симон.

С и м о н. Везут, везут.
(В толпе волнение, сдержанный гул голосов. Луиза стремительно поднимается, озирается. Люси снова прижимает ее голову к груди. Слышен приближающийся грохот колес. Вбегают Жанна и Розалия. Где то запели карманиолу и сейчас же оборвали.)

С и м о н. Граждане, правосудие совершается. Враги революции сложат головы. Запомните эту минуту. Глаза всего света в эту минуту устремлены туда. (Указывает на эшафот.) Вон на те два столба с блестящим лезвием. Вы знаете, — что означают эти два столба и лезвие? Это суровый ангел истории, это мститель времен, гений человечества. Эта машина вышла из небытия, чтобы, как огненный ангел, вести французский народ к бессмертной славе. Ее вид прост и страшен: два столба и лезвие.. Вглядитесь, взглянитесь в нее хорошенько. Она прекрасна. От нее идут ослепительные лучи. Вы ослепнете, если бу-

дете долго глядеть на нее. С ее помоста струится молоко и мед. Ее подножие из печеного хлеба. Она стоит на золоте, на горах золота. Она сияет как солнце.

(Грохот колес приближается.)

Жанна. Везут, везут.

Розалия. Я боюсь, уйдем.

Жанна. Молчи. Смотри, — вот они.

(Появляется тележка с осужденными. У всех — связаны руки за спиной. Тележка сквозь молча раздвинувшийся народ подезжает к эшафоту. Вокруг него становятся солдаты со штыками. Люси молча протягивает руки к тележке.)

Жанна. Прощай, Дантон!

(Розалия громко плачет. Дантон первый выходит из тележки на эшафот, отталкивает палача.)

Дантон. Французы, я оставляю вам мою славу. А ты, палач, хорошенько покажи мою голову народу, она стоит этого.

(Громко затрещали барабаны. Шум голосов. Осужденные выходят из тележки на эшафот. Камил протягивает руки, ища в толпе Люси. Глухой удар ножа. Трещат барабаны.)

К о н е ц .

Оклад:
Berlin, Schillstraße 3
Verlag „Russkoe Twortschestwo“